

Именем
Российской Федерации

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

по делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А.В.Галимьяновой и В.С.Пузрякова

город Санкт-Петербург

12 января 2023 года

Конституционный Суд Российской Федерации в составе Председателя В.Д.Зорькина, судей А.Ю.Бушева, Г.А.Гаджиева, Л.М.Жарковой, С.М.Казанцева, С.Д.Князева, А.Н.Кокотова, Л.О.Красавчиковой, С.П.Маврина, Н.В.Мельникова,

руководствуясь статьей 125 (пункт «а» части 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями третьей и четвертой статьи 3, частью первой статьи 21, статьями 36, 47¹, 74, 86, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в заседании без проведения слушания дело о проверке конституционности статьи 227 ГК Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 УПК Российской Федерации.

Поводом к рассмотрению дела явились жалобы граждан А.В.Галимьяновой и В.С.Пузрякова. Основанием к рассмотрению дела

явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации оспариваемые заявителями законоположения.

Поскольку обе жалобы касаются одного и того же предмета, Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь статьей 48 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», соединил дела по этим обращениям в одном производстве.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Н.В.Мельникова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

у с т а н о в и л :

1. Согласно статье 227 ГК Российской Федерации нашедший потерянную вещь обязан немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить найденную вещь этому лицу; если вещь найдена в помещении или на транспорте, она подлежит сдаче лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта, и лицо, которому сдана находка, приобретает права и несет обязанности лица, нашедшего вещь; если лицо, имеющее право потребовать возврата найденной вещи, или место его пребывания неизвестны, нашедший вещь обязан заявить о находке в полицию или в орган местного самоуправления; нашедший вещь вправе хранить ее у себя либо сдать на хранение в полицию, орган местного самоуправления или указанному ими лицу, а скоропортящаяся вещь или вещь, издержки по хранению которой несоизмеримо велики по сравнению с ее стоимостью, может быть реализована нашедшим вещь с получением письменных доказательств, удостоверяющих сумму выручки, причем деньги, вырученные от продажи найденной вещи, подлежат возврату лицу, управомоченному на ее получение; нашедший вещь отвечает за ее утрату или

повреждение лишь в случае умысла или грубой неосторожности и в пределах стоимости вещи.

Статья 158 УК Российской Федерации устанавливает уголовную ответственность за кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества (часть первая), а также закрепляет, что под хищением в статьях данного Кодекса понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества (пункт 1 примечаний).

Статьи 75, 87 и 88 УПК Российской Федерации регламентируют вопросы о недопустимых доказательствах, об их проверке и правилах оценки.

1.1. Гражданка А.В.Галимьянова обвинялась в том, что, находясь в салоне автобуса, увидела лежащий на полу мобильный телефон и, понимая, что он принадлежит ранее вышедшей пассажирке (выпал из ее сумки), не предприняла попытки к его возврату собственнице, не сообщила об этом водителю автобуса или кондуктору и не обратилась в правоохранительные органы, решив тайно обратить его в свою пользу. Удостоверившись, что никто не видит ее действий, она завладела телефоном и скрылась, причинив материальный ущерб собственнице в размере стоимости телефона. При этом, согласно данным А.В.Галимьяновой показаниям, она не стала отвечать на поступавшие на телефон звонки, отключила его, а находящиеся в нем сим-карты выбросила, после чего около месяца хранила его дома, в дальнейшем выполнив сброс настроек телефона.

Приговором Учалинского районного суда Республики Башкортостан от 16 декабря 2020 года А.В.Галимьянова признана виновной в совершении преступления, предусмотренного пунктом «в» части второй статьи 158 УК Российской Федерации, а именно в тайном хищении чужого имущества, причинившем значительный ущерб в сумме 12 000 руб., ей назначено наказание в виде шести месяцев лишения свободы, которое постановлено считать условным с испытательным сроком один год. Верховный Суд Республики Башкортостан апелляционным постановлением от 23 марта 2021

года приговор изменил, указав о причинении ущерба в размере 11 000 руб. Отвергая доводы стороны защиты об отсутствии признаков инкриминированного преступления и о наличии лишь нарушения правил возврата находки, установленных гражданским законодательством, которое не влечет юридической ответственности кроме лишения права требовать вознаграждения за находку от лица, управомоченного ее получить, суд второй инстанции отметил, что при решении вопроса об отграничении кражи от присвоения находки следует исходить из понятия владения имуществом, а также из различия между потерянной вещью и забытой. В частности, потерянной является вещь, находящаяся в неизвестном собственнику или иному законному владельцу месте, а забытой – находящаяся в месте, известном такому лицу, которое имеет возможность за ней вернуться или иным способом получить ее обратно. На этом основании сделан вывод, что присвоение найденной вещи лицом, сознающим право на нее владельца, связано с признаком нечестности и потому является кражей.

Определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 20 июля 2021 года отклонены доводы кассационной жалобы о наличии признаков находки (статья 227 ГК Российской Федерации), поскольку А.В.Галимьянова никаких действий по установлению владельца телефона не предпринимала, об обнаружении не принадлежащего ей телефона никому не сообщила и завладела им. Суд изменил приговор: исключен ввиду отсутствия доказательств квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину», содеянное осужденной переквалифицировано на часть первую статьи 158 УК Российской Федерации, ей назначено наказание в виде шести месяцев исправительных работ с удержанием десяти процентов заработка в доход государства условно с испытательным сроком один год.

Судья Верховного Суда Российской Федерации постановлением от 25 октября 2021 года отказал в передаче жалобы в защиту А.В.Галимьяновой для рассмотрения в судебном заседании суда кассационной инстанции. В свою очередь, заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации, соглашаясь с этим постановлением в письме от 17 марта 2022

года, отметил, что, как установлено и усматривается из показаний потерпевшей, она, обнаружив пропажу телефона, находящегося в рабочем состоянии и имеющего идентификационные признаки, поняв, где он находится (салон автобуса), имея возможность за ним вернуться, сделала это через недолгое время, после чего звонила на абонентский номер своего телефона с целью установить место его нахождения, а затем сразу же обратилась в полицию для его поиска. Это свидетельствует лишь о временном, непродолжительном выбытии телефона из владения собственницы.

1.2. Гражданин В.С.Пузряков обвинялся в том, что, являясь водителем такси без оформления официальных трудовых отношений и находясь в салоне своего автомобиля, увидел рядом с пассажирским сиденьем мобильный телефон, принадлежащий ранее перевезенному им пассажиру, и решил из корыстных побуждений завладеть этим имуществом. Воспользовавшись тем, что в автомобиле он был один и за его действиями никто не наблюдал, он тайно забрал себе телефон и с места преступления скрылся, распорядившись похищенным по своему усмотрению. При этом, не желая быть уличенным, он выключил телефон и, согласно его показаниям, пользовался телефоном по назначению со своей сим-картой и попыток установить владельца не предпринимал, поначалу попытавшись скрыть от сотрудников полиции факт обладания телефоном.

Приговором мирового судьи судебного участка № 4 Железнодорожного судебного района города Ульяновска от 15 апреля 2019 года В.С.Пузряков признан виновным в краже. Как указал суд, В.С.Пузряков осознавал, что телефон забыт владельцем, которому известно место нахождения имущества и который мог за ним вернуться. Обнаружив телефон, виновный не предпринял попытки к его возврату и сокрыл его, а в последующем заменил сим-карту и начал пользоваться телефоном по своему усмотрению. Характер действий виновного подтверждает факт завладения телефоном с корыстной целью и с умыслом на совершение кражи.

По причине нарушений при ведении и составлении протокола судебного заседания Железнодорожный районный суд города Ульяновска постановлением от 7 июня 2019 года приговор отменил, уголовное дело направил на новое судебное разбирательство в тот же суд, но в ином составе. Признавая В.С.Пузрякова виновным в совершении преступления, предусмотренного частью первой статьи 158 УК Российской Федерации, и назначая наказание в виде штрафа в размере 15 000 руб., мировой судья судебного участка № 3 Железнодорожного судебного района города Ульяновска в приговоре от 1 августа 2019 года установил, что забытый потерпевшим в такси телефон находился в известном для него месте, он предпринимал попытки к возвращению телефона и это говорит о невыбытии вещи из владения собственника.

Полагая, что телефон оказался у В.С.Пузрякова вследствие его находки и ничто не запрещало ему взять себе найденный предмет, а также что его пояснения в протоколе осмотра места происшествия не могли быть использованы в качестве доказательства, будучи добыты с нарушением права на получение юридической помощи, сторона защиты обратилась с жалобой в суд второй инстанции. Апелляционным постановлением Железнодорожного районного суда города Ульяновска от 25 февраля 2020 года приговор изменен: из числа доказательств исключены показания свидетелей – сотрудников полиции в части их пояснений об обстоятельствах совершения преступления, ставших им известными от В.С.Пузрякова, и протокол его явки с повинной. В остальном подтверждена правомерность выводов мирового судьи.

Определением Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 8 сентября 2020 года не установлено оснований для отмены или изменения вынесенных судебных решений, а в передаче последующей кассационной жалобы стороны защиты отказано постановлением судьи Верховного Суда Российской Федерации от 15 января 2021 года, с чем согласился заместитель Председателя Верховного Суда Российской Федерации (письмо от 27 мая 2021 года).

1.3. А.В.Галимьянова просит признать противоречащими статьям 18, 19, 45, 46 (часть 1), 54 и 55 (части 2 и 3) Конституции Российской Федерации часть первую статьи 158 УК Российской Федерации и пункт 1 примечаний к ней, как позволяющие по смыслу, придаваемому им в системе действующего правового регулирования сложившейся правоприменительной практикой, привлекать к уголовной ответственности за кражу лицо, которое присвоило (обратило в свою пользу) найденное им имущество, заведомо принадлежащее другому. По мнению В.С.Пузрякова, статья 227 ГК Российской Федерации и часть первая статьи 158 УК Российской Федерации противоречат статьям 1 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 19 (части 1 и 2), 49 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации в той мере, в какой устанавливают уголовную ответственность за нарушение гражданско-правовых правил обращения с находкой и за присвоение найденного или случайно оказавшегося у лица ценного имущества, заведомо принадлежащего другому.

Кроме того, В.С.Пузряков ставит под сомнение соответствие статей 75, 87 и 88 УПК Российской Федерации статьям 1 (часть 1), 4 (части 1 и 2), 17 (часть 1), 45, 46 (часть 1), 48 (часть 1) и 49 (часть 1) Конституции Российской Федерации и утверждает, что они позволяют признавать допустимым доказательством пояснения лица, в отношении которого проводились процессуальные действия по проверке сообщения о преступлении в порядке статьи 144 данного Кодекса с последующим привлечением к уголовной ответственности, когда такие пояснения даны в ходе осмотра места происшествия без участия защитника, а позже от них это лицо отказалось.

Между тем данный Кодекс закрепляет не подлежащий расширительному истолкованию перечень действий, которые могут осуществляться на стадии проверки сообщения о преступлении (часть первая статьи 144). Полученные же в ходе такой проверки сведения могут быть использованы в качестве доказательств лишь при условии соблюдения положений статей 75 и 89 данного Кодекса (часть первая² его статьи 144). В частности, пункт 1 части второй статьи 75 данного Кодекса устанавливает,

что к недопустимым доказательствам – которые не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных его статьей 73, – относятся показания подозреваемого, обвиняемого, данные в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, включая случаи отказа от защитника, и не подтвержденные подозреваемым, обвиняемым в суде. При этом показаниями подозреваемого, обвиняемого согласно статьям 76 и 77 данного Кодекса признаются сведения, сообщенные этим лицом лишь на допросе как самостоятельном следственном действии, проведенном в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями его статей 173, 174, 187–190 и 275.

В свою очередь, осмотр места происшествия, местности, жилища, иного помещения, предметов и документов производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (часть первая статьи 176 данного Кодекса), и по смыслу правовой позиции, высказанной Конституционным Судом Российской Федерации в Определении от 5 марта 2014 года № 518-О, его производство не может подменять собой процессуальные, в том числе следственные, действия, для которых уголовно-процессуальным законом установлены специальные гарантии, процедура и другие основания и условия проведения, включая допрос подозреваемого, обвиняемого (статьи 187–191 данного Кодекса). Причем в соответствии с предусмотренным данным Кодексом порядком доказывания никакие доказательства не имеют заранее установленной силы (часть вторая статьи 17), все они подлежат проверке и оценке с точки зрения их относимости, допустимости и достоверности, а в их совокупности – достаточности для разрешения дела (статья 87 и часть первая статьи 88), приговор должен быть законным, обоснованным и справедливым (статья 297), обвинительный приговор не может быть основан на предположениях и постановляется лишь при условии, что в ходе судебного разбирательства виновность подсудимого в преступлении подтверждена совокупностью исследованных судом доказательств (часть четвертая статьи 302), а

неустранимые сомнения в виновности, возникшие при оценке с точки зрения допустимости и достоверности доказательств, в силу статьи 49 (часть 3) Конституции Российской Федерации толкуются в пользу обвиняемого.

Поскольку, таким образом, статьи 75, 87 и 88 УПК Российской Федерации неопределенности в указанном В.С.Пузряковым аспекте не содержат и не могут расцениваться как нарушающие его конституционные права, производство по его жалобе в этой части подлежит прекращению на основании пункта 2 части первой статьи 43 и части первой статьи 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации».

С учетом статей 36, 74, 96 и 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации по настоящему делу являются часть первая и пункт 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, а также статья 227 ГК Российской Федерации постольку, поскольку в своей взаимосвязи и по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, они служат основой для привлечения к уголовной ответственности за кражу в случае противоправного обращения заведомо принадлежащего другому лицу найденного имущества в пользу нашедшего или иных лиц, чем причиняется ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

2. Конституция Российской Федерации, провозглашая человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод – обязанностью государства, закрепляет в числе основных прав человека, неотчуждаемых и принадлежащих каждому от рождения, право частной собственности, которая в Российской Федерации равным образом признается и защищается наряду с иными формами собственности, включая государственную и муниципальную (статья 2; статья 8, часть 2; статья 17, часть 2). Каждый вправе иметь имущество в собственности, использовать его для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так

и совместно с другими; право частной собственности охраняется законом, никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда; как и все другие непосредственно действующие права и свободы, это право определяет смысл, содержание и применение законов, деятельность органов публичной власти и обеспечивается правосудием (статья 18; статья 34, часть 1; статья 35 Конституции Российской Федерации).

Интересами защиты собственности – с учетом ее конституционной, экономической, общественной и личной значимости, эстетического, фамильного, социально-статусного значения вещей и имущественных прав, предназначения и использования предметов собственности для удовлетворения личных имущественных и неимущественных благ и потребностей – обусловлены законодательное установление оснований возникновения и прекращения права собственности, правил обеспечения сохранности и возвращения собственникам имущества, случайно утраченного ими, необходимость применения мер публично-правовой, в том числе уголовной, ответственности за посягательства на собственность. Введение таких мер Конституция Российской Федерации возлагает на законодателя, предоставляя ему достаточно широкую свободу усмотрения, но одновременно обязывая его руководствоваться ее статьей 55 (часть 3), предопределяющей требование соразмерности ответственности общественной опасности преступления, а также имеющими универсальное значение и по своей сути относящимися к основам конституционного правопорядка общими принципами юридической ответственности, включая принципы юридического равенства и правовой определенности, принцип *nullum crimen, nulla poena sine lege* (нет преступления, нет наказания без указания на то в законе), которые получили конкретизацию в ее статьях 19 (часть 1) и 54 (часть 2).

Установление преступности и наказуемости нарушений прав владения, пользования и распоряжения имуществом, привлечение к ответственности конкретных лиц, их совершивших, предполагают – имея в виду частноправовую природу отношений собственности и публичный характер уголовной ответственности – использование межотраслевых средств,

адекватно отражающих особенности правового режима собственности и порядка действий с найденными чужими вещами. Поскольку регулятивные нормы, непосредственно закрепляющие те или иные правила поведения, не обязательно должны содержаться в том же нормативном акте, что и нормы об ответственности за их нарушение, постольку оценка степени определенности описанных в законе признаков преступления должна осуществляться исходя не только из самого текста закона и используемых в нем формулировок, но и из их места в системе правовых предписаний, а также с учетом смежных составов правонарушений. Закрепление в законе составов преступлений против собственности хотя и относится к дискреции законодателя, но должно проводиться с соблюдением принципов вины, равенства, справедливости и правовой определенности, с тем чтобы содержание уголовно-правовых запретов одинаково воспринималось в правоприменительной практике и было доступно для понимания участникам общественных отношений, а сами запреты служили эффективной защите права собственности (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 апреля 2019 года № 862-О).

Следовательно, уголовная ответственность за правонарушения, посягающие на собственность и сопряженные с неправомерными действиями в отношении утраченного собственником имущества, может считаться законно установленной и отвечающей требованиям статей 19, 54 и 55 Конституции Российской Федерации лишь при условии, что она адекватна общественной опасности преступления, признаки которого, отграничивающие его от иных противоправных – и тем более от законных – деяний, ясно и четко определены уголовным законом, встроенным в общую систему правового регулирования, включая положения об основаниях и порядке обращения с найденными вещами, приобретения права собственности на них.

3. Реализуя предоставленные ему статьями 71 (пункты «в», «о») и 76 (часть 1) Конституции Российской Федерации полномочия в сфере защиты права собственности и связанных с ним отношений по владению, пользованию и распоряжению имуществом от преступных посягательств, законодатель

отнес в статье 158 УК Российской Федерации к преступлениям, объектом уголовно-правовой охраны от которых выступает собственность, кражу, т.е. тайное хищение чужого имущества, и определил в пункте 1 примечаний к той же статье, что под хищением понимаются совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества.

Общие признаки кражи как одной из форм хищения и квалифицирующие ее признаки, предусмотренные в частях второй – четвертой статьи 158 УК Российской Федерации, подлежат установлению во взаимосвязи с положениями Общей части данного Кодекса, в том числе о понятии преступления, о принципе и формах вины, об основании уголовной ответственности (статьи 5, 8, 14, 24 и 25). Как указывал Конституционный Суд Российской Федерации, уголовно-правовая охрана собственности осуществляется лишь от тех деяний, которые содержат признаки состава преступления, в частности предусмотренного статьей 158 данного Кодекса, а действующее правовое регулирование не предполагает наступления уголовной ответственности за правомерное поведение (определения от 20 декабря 2016 года № 2774-О, от 27 сентября 2018 года № 2194-О и др.). Согласно же разъяснению Пленума Верховного Суда Российской Федерации как тайное хищение следует квалифицировать действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника, или иного его владельца, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них (пункт 2 постановления от 27 декабря 2002 года № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»).

Статья 158 УК Российской Федерации сама по себе не предопределяет ни отнесение к хищению действий по противоправному распоряжению найденным чужим имуществом, ни исключение таких действий из состава кражи. Сформулированные в законе объективные и субъективные признаки этого преступления носят – при достаточной степени конкретизации – столь общий и универсальный характер с тем, чтобы максимально учесть

возможные варианты такого рода общественно опасных посягательств. Соответственно, чтобы отграничить гражданско-правовое по своей сути злоупотребление правомочиями наследного владельца от собственно хищения, необходимо дополнительно обратиться к положениям иных законодательных актов, которые предусматривают обязанности и порядок их реализации лицом, наследным потерянную вещь, и вводят юридическую ответственность за аналогичные (схожие) по своим признакам частноправовые нарушения.

3.1. В развитие предписаний статьи 35 Конституции Российской Федерации и в целях выполнения вытекающих из ее статьи 45 (часть 1) задач обеспечения государственной защиты прав и свобод человека и гражданина, включая право собственности, стимулирования граждан к уважению собственности, к правопослушному и добросовестному обращению с обнаруженным чужим имуществом законодатель закрепил в Гражданском кодексе Российской Федерации основания приобретения права собственности не только на имущество, которое имеет собственника, но и на имущество, собственник которого неизвестен, в том числе на находку: если в течение шести месяцев с момента заявления о находке в полицию или в орган местного самоуправления лицо, уполномоченное получить найденную вещь, не будет установлено или само не заявит о своем праве на вещь наследному ее лицу либо в полицию или в орган местного самоуправления, наследший вещь приобретает право собственности на нее (пункты 2 и 3 статьи 218, пункт 2 статьи 227 и пункт 1 статьи 228). При этом данный Кодекс прямо предусматривает обязанности лица, наследшего потерянную вещь, немедленно уведомить об этом лицо, потерявшее ее, или собственника вещи, или кого-либо другого из известных ему лиц, имеющих право получить ее, и возвратить вещь этому лицу, а равно сдать вещь, найденную в помещении или на транспорте, лицу, представляющему владельца этого помещения или средства транспорта (пункт 1 статьи 227).

По смыслу приведенных норм установление физического владения потерянной вещью представляет собой активную форму поведения в виде действия, которое само по себе не только не является противоправным, но и

признается законодателем правомерным, а в отдельных случаях – даже подлежит судебной защите (например, в вопросах о праве требовать возмещения расходов нашедшего по хранению найденной вещи). Дальнейшее активное поведение лица, нашедшего вещь (заявление о находке, поиски ее собственника, передача найденного владельцу помещения или транспорта либо его представителю и т.п.), исключает уголовную ответственность за ее хищение и служит законодательно конкретизированным критерием для разграничения правомерного и противоправного деяния. Тем не менее несовершение таких активных действий, направленных на возвращение имущества владельцу, хотя и является по общему правилу неправомерным, но не предопределяет вывод о наличии признаков преступления.

3.2. В силу статьи 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации юридическая ответственность может наступать лишь за те деяния, которые законом, действующим на момент их совершения, признаются правонарушениями. Поскольку конкретное правоотношение возникает, протекает, изменяется или прекращается в определенный промежуток времени, по этому же правилу следует оценивать факты и обстоятельства, имевшие место в период совершения действий (бездействия) и характеризующие деяние. Изменение фактов и обстоятельств, имеющих юридическое значение, изменяет (может изменять) их юридическую оценку, а потому не может не учитываться при оценке соответствующего деяния. Иное противоречило бы принципу законности, поскольку означало бы игнорирование новых обстоятельств и распространение ранее имевших место фактических данных, утративших юридическое значение, на новые действия (бездействие), дающие основания для иных выводов о характере противоправности, о степени общественной опасности и т.д.

Невыполнение обусловленных фактом находки обязанностей хотя и свидетельствует о гражданско-правовом деликте и само по себе еще не образует признаков преступления, однако в силу обстоятельств может отражать такую меру общественной опасности содеянного, которая требует

задействования именно механизма публично-правового принуждения. Так, наряду с деяниями, совершаемыми путем одного действия (бездействия), уголовное право различает и более сложные формы преступного поведения, как то: продолжаемые и длящиеся преступления, перерастание деяния из менее опасного в более опасное в ходе его совершения. При этом, по смыслу статьи 49 Конституции Российской Федерации и конкретизирующих ее положений статей 5, 8 и 24–26 УК Российской Федерации, обязательным признаком состава преступления является вина привлекаемого к уголовной ответственности лица. Наступление уголовной ответственности при наличии лишь признаков объективной стороны состава преступления противоречило бы принципу виновной ответственности за такого рода проступки, вело бы к объективному вменению и в конечном счете – в нарушение принципов юридического равенства и справедливости – к несоразмерному ограничению прав и свобод.

Хотя само по себе обнаружение потерянной вещи не является неправомерным, не исключено появление умысла на последующее обращение найденного имущества в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных, лиц. Если лицо, обнаружившее найденную вещь, наряду с невыполнением (воздержанием от) действий, предусмотренных статьей 227 ГК Российской Федерации, совершает сокрытие найденной вещи (в тайнике, в своих вещах, в одежде, путем передачи другому лицу в целях сокрытия и т.д.) либо сокрытие (уничтожение) признаков, позволяющих индивидуализировать это имущество или подтвердить его принадлежность законному владельцу (вытаскивает сим-карту из телефона, снимает чехол и т.д.), то такое активное поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение этого имущества и о наличии корыстной цели, а потому деяние, начавшееся как внешне правомерная находка, может перерасти в преступление, утрачивая признаки правомерности и предполагая уже не судебную защиту, а ответственность. Поскольку уголовный закон относит к объективным признакам хищения не только изъятие, но и – в том числе в качестве альтернативы изъятию – обращение чужого имущества в пользу

виновного или других лиц, то необходима оценка не только факта правомерного поступления найденного имущества в фактическое владение, но и факта совершения действий (бездействия), направленных на противоправное обращение в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных, лиц, исходя из того, что такое поведение приобретает общественно опасный характер, образует, по сути, единое сложное деяние, направленное на неосновательное обогащение в результате недобросовестных действий с обнаруженной чужой вещью, указывает на корыстную цель, а также на причинение владельцу ущерба.

Противоправное и активное сокрытие имущества нашедшим его лицом, обусловленная этим недостаточность гражданско-правовых мер по защите прав его законного владельца, общественная опасность его присвоения как крайней формы злоупотребления нашедшим своими полномочиями свидетельствуют о выходе за частноправовые пределы, очерченные статьей 227 ГК Российской Федерации. Признаки такого злоупотребления могут расцениваться в качестве составообразующих признаков преступления, предусмотренного статьей 158 УК Российской Федерации, с учетом тайного способа обращения с потерянной вещью, сокрытия самого факта ее обнаружения и принадлежности другому лицу. Следовательно, если вещь утрачена в месте, известном законному владельцу, и он имеет возможность за ней вернуться или получить ее либо по индивидуальным свойствам вещи законный владелец может быть идентифицирован и нет оснований полагать, что вещь является брошенной, то лицо, которое обнаружило такую вещь в подобной обстановке, осознавало или должно было осознавать указанные обстоятельства и при этом не только не предприняло доступных ему мер найти законного владельца вещи, не сдало ее в установленном законом порядке, не обратилось в правоохранительные органы или в органы местного самоуправления с заявлением о находке, но и активно сокрыло вещь для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу других лиц, т.е. совершило тайное хищение – кражу.

В меньшей степени противоправным может быть признано такое поведение лица, когда оно непосредственно наблюдает потерю вещи, имеет реальную возможность незамедлительно сообщить законному владельцу о потере и вернуть ему вещь, но тайно завладевает ею.

Описанное поведение, направленное на окончательное лишение законного владельца утерянного имущества и распоряжение чужим имуществом как своим собственным, по своей природе является кражей, возможность осознания и предвидения наступления уголовной ответственности за которую не связана с наличием у совершающего такого рода деяния лица представления об особенностях содержания статьи 227 ГК Российской Федерации. Действующее правовое регулирование, таким образом, обеспечивает достаточную определенность для участников общественных отношений по поводу находки, соблюдение принципов вины и справедливости, обязательных при возложении любой юридической ответственности, а также не допускает смешения ее видов или наступления уголовно-правовых последствий за то поведение, для предупреждения или нейтрализации которого достаточно частноправовых механизмов, в том числе исключает использование принудительного потенциала норм уголовного закона для тех деяний (действий или бездействия), которые признаются правомерными в других отраслях права или являются неуголовными правонарушениями.

Иное понимание положений статьи 158 УК Российской Федерации и статьи 227 ГК Российской Федерации вело бы к тому, что общественно опасные деяния, причинившие равный или сопоставимый ущерб, но различные по предмету посягательства (в рассматриваемом случае – потерянная вещь) и способу хищения, направленному на противоправное обращение с чужим имуществом, получали бы разную правовую оценку с точки зрения квалификации содеянного либо оставались бы без оценки с точки зрения их наказуемости, хотя эти деяния посягают на охраняемые законом ценности, являются противоправными, носят умышленный характер и имеют корыстную цель. Это означало бы снижение эффективности мер

защиты права собственности, вело к отступлению от требования адекватности порождаемых ими последствий тому вреду, который причинен в результате правонарушения, к несоразмерности ответственности ущербу, нанесенному защищаемым Конституцией Российской Федерации ценностям, к умалению права на государственную и судебную защиту, а потому противоречило бы ее статьям 2, 8 (часть 2), 19 (часть 1), 35, 45 (часть 1) и 46 (часть 1). С другой стороны, привлечение к уголовной ответственности лица, нашедшего вещь, лишь за то, что оно не выполнило действий, предписанных статьей 227 ГК Российской Федерации, хотя его бездействие не отягощено описанным выше поведением, нарушало бы статьи 19 (часть 1) и 54 (часть 2) Конституции Российской Федерации, а также было бы выходом за пределы принципа соразмерности вопреки статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

3.3. Таким образом, часть первая и пункт 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, а также статья 227 ГК Российской Федерации как позволяющие в их взаимосвязи квалифицировать в качестве кражи (тайного хищения чужого имущества) противоправное обращение найденного имущества в пользу нашедшего или других, неуправомоченных, лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества, отвечают принципам справедливости, равенства и правовой определенности, позволяя отграничить правомерное поведение от уголовно противоправного, а преступления – от иных правонарушений, и не противоречат Конституции Российской Федерации, поскольку по их конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования предполагают, что объективную сторону хищения в виде кражи найденного имущества, заведомо принадлежащего другому лицу и не имеющего признаков брошенного, образует единое сложное деяние, состоящее из завладения (установления фактического владения) обнаруженной чужой вещью, сопряженного с ее последующим активным сокрытием (или сокрытием обстоятельств ее получения, ее принадлежности другому лицу и с иными действиями, затрудняющими или исключаящими применение гражданско-правовых мер

защиты собственности), для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных, лиц, чем причиняется ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, а равно тайное завладение с теми же целями чужой вещью, когда лицо, завладевшее ею, наблюдало ее потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь. Само по себе невыполнение лицом действий, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 227 ГК Российской Федерации, если в них не содержатся указанные признаки, не дает оснований для привлечения к ответственности за кражу.

Вопрос о возможности привлечения в связи с кражей найденного имущества именно к уголовной, а не к административной ответственности решается, безусловно, с учетом его стоимости (части 1 и 2 статьи 7.27 КоАП Российской Федерации).

4. Как установление уголовно-правовых запретов и наказания за их нарушение, соразмерного защищаемым уголовным законом ценностям, так и принятие законодательных норм, устраняющих преступность и наказуемость деяний и смягчающих ответственность, должны соотноситься с конституционными основами демократического правового государства, включая приоритет и непосредственное действие Конституции Российской Федерации, государственную защиту прав и свобод человека и гражданина, соблюдение конституционных гарантий прав личности, справедливость и равенство, запрет произвола со стороны органов государственной власти и должностных лиц, реализующих уголовно-правовые предписания, в том числе судей (статьи 1 и 2; статья 4, часть 2; статья 15, части 1 и 2; статьи 19 и 45; статья 55, часть 3, Конституции Российской Федерации). Когда меры, предусмотренные уголовным законом, перестают отвечать социальным реалиям, приводя к ослаблению защиты конституционно значимых ценностей или, напротив, к избыточному применению государственного принуждения, законодатель обязан привести уголовно-правовые предписания в соответствие с новыми социальными реалиями, поддерживая баланс конституционно

одобряемых целей и ценностей. В тех же случаях, когда установление уголовной ответственности шло бы вразрез с требованиями соразмерности, федеральный законодатель, как это прямо следует из статьи 7.27 КоАП Российской Федерации, не лишен возможности задействовать инструментарий ответственности административной.

Потому истолкование, данное в настоящем Постановлении части первой и пункту 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, а также статье 227 ГК Российской Федерации в их взаимосвязи, не исключает права федерального законодателя – учитывая настоящее Постановление, требования конституционно оправданной целесообразности, состояние общественных отношений в конкретно-исторических условиях, предопределяющих необходимость повышенной защиты тех или иных прав и законных интересов граждан, и обеспечивая при этом соразмерность ответственности защищаемым законом ценностям при соблюдении конституционных принципов равенства и справедливости – конкретизировать составы преступлений, предметом которых выступают потерянные вещи, а также установить ответственность за невыполнение нашедшим вещь требований статьи 227 ГК Российской Федерации при отсутствии в таком деянии признаков кражи.

5. Судебные решения, вынесенные по делу А.В.Галимьяновой и В.С.Пузрякова на основании части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации и статьи 227 ГК Российской Федерации, подлежат пересмотру в надлежащем порядке. Такой порядок установлен частью пятой статьи 415 УПК Российской Федерации, согласно которой пересмотр осуществляется Президиумом Верховного Суда Российской Федерации по представлению Председателя Верховного Суда Российской Федерации не позднее одного месяца со дня поступления представления и по результатам его рассмотрения Президиум отменяет или изменяет судебные решения по уголовному делу в соответствии с постановлением Конституционного Суда Российской Федерации. В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации, руководствуясь пунктом 12

части первой статьи 75 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», в качестве особенности исполнения настоящего Постановления полагает возможным установить, что Президиум Верховного Суда Российской Федерации может оставить в силе судебные решения по делам А.В.Галимьяновой и В.С.Пузрякова, если они основаны на истолковании указанных норм, не расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

Согласно пункту 5 части третьей статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», если положения, признанные постановлением Конституционного Суда Российской Федерации неконституционными, послужили основанием для привлечения гражданина к уголовной ответственности, то это влечет пересмотр судебных решений и в отношении гражданина, не являющегося лицом, по жалобе которого Конституционный Суд Российской Федерации вынес постановление. Поскольку согласно части шестой статьи 87 названного Федерального конституционного закона в случае признания нормативного акта либо отдельных его положений соответствующими Конституции Российской Федерации в данном Конституционным Судом Российской Федерации истолковании при их применении исключается любое иное их истолкование, а на последствия принятия такого постановления распространяются нормы названного Федерального конституционного закона и иных федеральных законов, установленные для случаев признания нормативного акта либо отдельных его положений не соответствующими Конституции Российской Федерации, постольку данное в настоящем Постановлении истолкование статьи 158 УК Российской Федерации и статьи 227 ГК Российской Федерации влечет пересмотр дел в отношении иных лиц, привлеченных к уголовной ответственности по статье 158 УК Российской Федерации в связи с присвоением найденного. На такой пересмотр также распространяются

указанные применительно к пересмотру дел заявителей особенности исполнения настоящего Постановления.

Как следует из части пятой статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», уголовные дела, возбужденные в связи с присвоением найденного по статье 158 УК Российской Федерации на основе ее понимания, не согласующегося с конституционным истолкованием этой статьи и статьи 227 ГК Российской Федерации, данным в настоящем Постановлении, подлежат прекращению в порядке, предусмотренном для соответствующей стадии уголовного процесса. Не вступившие в силу на момент вступления в силу настоящего Постановления приговоры пересматриваются при рассмотрении дела судом апелляционной инстанции (пункт 2 части третьей статьи 79 названного Федерального конституционного закона).

Исходя из изложенного и руководствуясь статьями 6, 47¹, 68, 71, 72, 74, 75, 78, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

п о с т а н о в и л :

1. Признать часть первую и пункт 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации, а также статью 227 ГК Российской Федерации не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку в своей взаимосвязи по конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они предполагают, что объективную сторону хищения в виде кражи найденного имущества, заведомо принадлежащего другому лицу и не имеющего признаков брошенного, образует единое сложное деяние, состоящее из завладения (установления фактического владения) обнаруженной чужой вещью, сопряженного с ее сокрытием или сокрытием источника ее получения, ее принадлежности другому лицу или ее идентифицирующих признаков, для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных, лиц, чем причиняется ущерб

собственнику или иному законному владельцу этого имущества, а равно тайное завладение с теми же целями чужой вещью, когда лицо, завладевшее ею, наблюдало ее потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь. Само по себе невыполнение действий, предусмотренных пунктами 1 и 2 статьи 227 ГК Российской Федерации, если в них не содержатся указанные признаки, не дает оснований для привлечения к ответственности за кражу.

2. Конституционно-правовой смысл части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации и статьи 227 ГК Российской Федерации, выявленный в настоящем Постановлении, является общеобязательным, что исключает любое иное их истолкование в правоприменительной практике.

3. Прекратить производство по настоящему делу в части, касающейся проверки конституционности статей 75, 87 и 88 УПК Российской Федерации.

4. Судебные решения, вынесенные по делам граждан Галимьяновой Альбины Валеевны и Пузрякова Виктора Сергеевича на основании части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 УК Российской Федерации и статьи 227 ГК Российской Федерации, а также вступившие в силу судебные решения, основанные на положениях этих статей, вынесенные по делам иных лиц, подлежат пересмотру в установленном порядке. Президиум Верховного Суда Российской Федерации вправе оставить соответствующие судебные решения без изменения, если они основаны на истолковании указанных норм, не расходящемся с их конституционно-правовым смыслом, выявленным в настоящем Постановлении.

5. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу со дня официального опубликования, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

6. Настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Российской газете», «Собрании законодательства

Российской Федерации» и на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru)

№ 2-П

Конституционный Суд
Российской Федерации